

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ИНТЕГРАЦИОННО-АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

И. А. Сосунова

Международный независимый эколого-политологический университет, Москва

Social and Environmental Dominants of Integration and Adaptation Processes in Former USSR

I. A. Sosunova

International Independent University of Environmental and Political Sciences, Moscow

В статье рассматриваются социально-экологические доминанты, т. е. наиболее важные факторы социально-экологической природы, определяющие течение интеграционно-адаптационных процессов и оцениваемые современными методическими средствами. К числу таковых отнесены экологическая культура; экологическая этика и мораль; экодизайн окружающей среды; социально-экологическая напряженность; состояние здоровья населения; глобальное изменение климата; антропогенные экологические катастрофы и их последствия; социо-техногенные нагрузки. Применяется междисциплинарный подход. Теоретические результаты подтверждаются данными эмпирических социологических исследований.

The article covers social and environmental dominants, i. e. most important factors of social and ecological nature which determine the course of integration and adaptation processes and are estimated using modern procedures. These include environmental culture, environmental ethics and morals, ecodesign of environment; social and environmental tension; health status of the population; global climate changes; man-induced ecological disasters and their consequences; socio-development pressure. Interdisciplinary approach is used. Theoretical results are justified by empirical sociological researches data.

Страны постсоветского пространства переживают крайне важный для своего развития период коренных трансформаций, результатом которого должен стать переход к новому социокультурному качеству общества. На практике он осуществляется в рамках интенсивного институционального дизайна, охватывающего все сферы социентальной жизни. В такой ситуации принципиальную важность приобретает распространяемая в научном сообществе точка зрения, согласно которой многообразие и сложность социального мира обуславливают многообразие и неоднозначность последствий любого предпринимаемого действия — а не единственный запланированный и предсказуемый результат последнего, как это предполагалось в рамках концепций рационального выбора ([26] и др.).

Известные теоретические подходы, как правило, оказываются слишком сложными, а лицам, принимающим решения, под влиянием многих обстоятельств приходится останавливаться на вариантах не оптимальных, а удовлетворительных [45, 47].

Для стран постсоветского пространства важнейшая научно-практическая проблема оптимизации трансформационных процессов, по нашему мнению, состоит в определении таких достаточно очевидных «сверхзадач» управления, выполнение которых позволит автоматически «сглаживать» (а по возможности и исключать) негативные последствия неизбежных недостаточно согласованных разноуровневых неоптимальных решений, принимаемых и реализуемых при одновременном осуществлении огромного множества различных программ, концепций, проектов и т. п.

Наиболее общей формулировкой подобной «сверхзадачи» является требование активизации и стимулирования интеграционно-адаптационных процессов, т. е. многофакторных и многосубъектных процессов, распространяющихся на всю структуру общества и направленных прежде всего на достижение его целостности, устойчивости, способности к саморегуляции, адекватности достижениям НТР и т. д. в условиях комплексной трансформации общества, связанной с его пе-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ — проект № 08-06-90902 Мол_а.

реходом в новое социокультурное качество и с включением в общемировые глобализационные процессы. Иными словами, необходимо активно противостоять опасности социальной дезинтеграции общественного целого, воздействуя на ход трех фундаментальных процессов: социализации; (само)идентификации и стратификации; аномалиям в развитии, которые неизбежно создают многочисленные угрозы безопасности личности, общества и государства [29].

Кризисная фаза социальной дезинтеграции характеризуется распадом основных социальных институтов, доминирующей системы ценностей населения страны, социальных норм и т. д., что влечет за собой потерю способности социального механизма к самовоспроизводству, в том числе делегитимизацию (кризис и разрушение полномочий) власти, крайнее обострение противоречий и конфликтов между элементами стратифицированного общества, массовость девиантного поведения (преступность, наркомания и т. п.), социальную аномию (утрату норм социального поведения, социальную дезориентацию личности, чувство изоляции от общества и т. п.) и т. д. Следствием данных процессов является утрата основной опоры страны — масс законопослушных граждан, интегрированных в социальную структуру общества и связывающих с его развитием свои жизненные перспективы.

Необходимо подчеркнуть, что для практических нужд управления общественным развитием категория интеграционно-адаптационных процессов является одновременно и слишком комплексной, и слишком абстрактной. Очевидна целесообразность определения наиболее важных факторов, с одной стороны в основном определяющих позитивное течение интеграционно-адаптационных процессов, а с другой — наблюдаемых и измеряемых (оцениваемых) современными методическими средствами. Их предлагается называть доминантами интеграционно-адаптационных процессов.

Специфической и в определенном смысле, по-видимому, самодостаточной, системообразующей группой доминант являются, по нашему мнению, социально-экологические доминанты интеграционно-адаптационных процессов. Генезис данных доминант, так же как и социально-экологических феноменов в целом, определяется тем обстоятельством, что в современных условиях экологически значимые воздействия на природу, сопровождающие человеческую деятельность (экономика, оборона и т. д.), неизбежно порождают качественно новые социально-экологические проблемы, обусловленные объективно проявляющейся неразрывностью социального и природного аспектов жизни человека. Слабая изученность социально-экологических процессов и явлений часто препятствует их адекватному учету в социальной практике, однако при этом они ни в коем случае не являются эпифеноменами и заметно влияют на вызвавшие их социальные (социально-экономические, социально-политические, социально-культурные и т. д.) реалии.

Превращаясь в доминанты (в том числе латентные) интеграционно-адаптационных процессов, определенные значимые социально-экологические феномены (проблемы и т. п.) оказывают влияние на самые разные сферы жизни общества, состояние «человеческого капитала», общественное сознание и т. д. При этом процессы глобализации в их современном понимании существенно усложняют исследовательскую ситуацию, не позволяя рассматривать конкретное общество (страну) даже как условно закрытую систему.

В наиболее общем виде существование социально-экологических доминант интеграционно-адаптационных процессов должно иметь следствием: эмпирическое социологическое изучение (мониторинг); прогнозирование влияния конкретных управленческих решений различного уровня на их состояние, разработку различных методов управления им; использование состояния социально-экологических детерминант в качестве критерия успешности реализации программ социального, социально-экономического развития и т. д.

По нашему мнению, в настоящее время на постсоветском пространстве к социально-экологическим доминантам интеграционно-адаптационных процессов могут быть отнесены: экологическая культура; экологическая этика и мораль; экодизайн окружающей среды; социально-экологическая напряженность; состояние здоровья населения; глобальное изменение климата; антропогенные экологические катастрофы и их последствия; социо-техногенные нагрузки и т. д.

Экологическая культура принадлежит к числу наиболее сложных социологических понятий, операционализацию которого в качестве социально-экологической доминанты интеграционно-адаптационных процессов, по нашему мнению, следует осуществлять в основном в зависимости, во-первых, от вида функции, выполняемой ею в контексте конкретной исследовательской ситуации; во-вторых, от актуализированных структурных элементов экологической культуры и уровня их проявления; в-третьих, от вида изучаемой деятельности и ее субъекта. В качестве достаточно общего проблемно-ориентированного определения данного понятия целесообразно использовать следующее: экологическая культура — это система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, распространяющихся на все сферы материальной и духовной жизни и направленных на регуляцию отношений общества и природы на основе принципа коэволюции.

Можно констатировать, что в научно-экспертном сообществе сложилась достаточно законченная и полная система взглядов на основные ориентиры развития человечества. Достаточно характерна в этом отношении точка зрения [4], согласно которой экологическая культура как социальный феномен предполагает такой способ жизнедеятельности, при котором общество, его система духовных ценностей, этических императивов, экономических механизмов,

правовых норм и социальных институтов формирует у людей потребности и способы их реализации, которые не создают угрозу жизни на Земле. Такая культура, по мнению Н. Н. Моисеева, включает в себя «экологический императив», не зависит от воли отдельного человека, отражает коллективный интеллект человечества и биотические пределы биосферы. Это мера свободы человека свободного, разумного, нравственного по отношению к природе.

К концептуальным идеям современной экологической культуры, как нам представляется, можно отнести в первую очередь принцип коэволюции.

В условиях несомненной научной неопределенности и высокой потенциальной опасности многих последствий человеческой деятельности (в связи с чем ряд исследователей считает возможным говорить о кризисе рационализма в сфере отношений природы и общества [5, 11, 12, 14, 16—17, 30, 38]) резко возрастает значение ценностных (аксиологических) и этических феноменов экологической культуры [10, 19]. Основная причина этого явления заключается в том, что за любым процессом взаимодействия человека и природы стоит ценностный конфликт, на весах которого находятся ущерб, наносимый природе, и приращение в удовлетворении определенных потребностей человека и общества. В условиях научной неопределенности разрешение этого конфликта неизбежно происходит не только в сфере рационального мышления, но и в сфере духовной жизни, где формируются регуляторы поведения, диктующие личности предпочтения в ситуации выбора.

В настоящее время уровень экологической культуры на постсоветском пространстве оценивается специалистами как недостаточно высокий. Однако данные эмпирических исследований свидетельствуют о наличии благоприятных перспектив для его повышения. Отмечается явная актуализация социально-экологических проблем в общественном сознании: по данным недавнего экспертного опроса, около 1/4 респондентов считают состояние окружающей среды приоритетной проблемой, которую следует немедленно решить в масштабах страны в целом; 80% — немедленно решить в промышленных регионах; 70% — в сырьевых регионах (Опрос проведен в 2008 г. Дарковой Е. А., Кротовым Д. А. среди предпринимателей Тульского промышленного региона. Опрошено 60 экспертов). Важно отметить, что относительно «желаемого образа» взаимоотношений человека и природы в данном опросе были получены следующие результаты: к сторонниками неконфронтационных отношений с природой отнесли себя более 90% экспертов; примерно 2/3 считают особенно важным для человека возможность прямого контакта с не нарушенной человеческой деятельностью природной средой; более половины считают основным источником эстетических чувств воздействие природы на человека; примерно 3/4 считают необходимым гармонизацию «второй природы» и окружающей природной среды. При этом, согласно, в частности, результатам опроса, проведенного в

2008 году среди студентов МНЭПУ (166 чел. Руководитель исследования — д. псих. н., проф. Иващенко А. В.), респонденты, говоря о составных элементах экологической культуры человека, на первое место поставили экологические знания и соблюдение экологических норм (61 и 60% опрошенных соответственно), а почти половина (47%) считают, что экологическая культура предполагает экологическую деятельность.

Особая роль экологической этики и морали в развитии интеграционно-адаптационных процессов определяется тем принципиальным обстоятельством, что в современных условиях качественного усложнения механизмов взаимодействия человека и природы природопользование и создание «второй природы» не может осуществляться исключительно на основе принципов классического рационализма, без опоры на регулятивный потенциал экологической этики и морали (подробный анализ данной проблемы см., в частности: [19]).

Однако в наши дни складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, можно говорить об эрозии морали вообще, а с другой — возрастает ее роль в самоидентификации личности, в мотивации ее поведения [6, 33—34, 39—41, 43—44, 48 и др.]. Неопределенность, зыбкость основ существования современного человека имманентно присуща современному «обществу риска».

На ранг экологической морали среди других регулятивных факторов существенно влияют и специфические условия современного постсоветского пространства, к которым (в случае России) следует в первую очередь отнести:

- влияние процессов глобализации, выражающееся в гипертрофированном распространении прагматизма и культа потребления [7];
- подчиненное положение экологических ценностей в ценностной системе населения. В ситуации реального выбора экологические ценности обычно проигрывают [2, 20, 22, 24 и др.]. В целом влияние экологической ситуации на суммарный индекс удовлетворенности жизнью по экспериментальным данным несколько превосходит социальный статус, экономическую обстановку в стране, творческую самореализацию на работе, но несомненно уступает материальному положению семьи, личной безопасности, состоянию здоровья и т. д. [9];
- влияние «ценностного разлома» последних десятилетий. В результате резкой трансформации ценностной системы в массовом масштабе наблюдаются такие негативные явления, как постоянное сужение поля социального интереса вплоть до полной одномерности, однофункциональности; чрезмерная пластичность, способность адаптироваться к любым социальным изменениям и снятие любых нравственных вопросов, готовность ради выживания к архаизации и примитивизации внутреннего мира и т. п. [25];
- принципы экологической этики и морали не закреплены в корпоративной культуре российских предприятий и организаций. Так, например, согласно

результатам экспертного опроса¹, лишь 3% респондентов отмечают, что корпоративная культура в России уже соответствует мировому уровню (Опрос проведен в 2007 г. Марар О. И. в г. Воронеж). При этом эксперты вообще не отмечают заметного присутствия «экологического компонента» в корпоративной культуре российских предприятий и организаций.

Однако нельзя при этом не отметить, что данные эмпирических исследований свидетельствуют об актуализации проблем экологической морали в общественном сознании. В частности, согласно результатам другого экспертного опроса, около 80% опрошенных представителей предпринимательских кругов подчеркнули значение морально-этических основ принятия экологически значимых решений (Опрос проведен в 2008 г. Дарковой Е. А. и Кротовым Д. А.).

Экодизайн окружающей среды по своей сути является «мостом» между социальными и технологическими аспектами взаимодействия человека и природы; при этом в качестве социально-экологической доминанты интеграционно-адаптационных процессов выступает именно социальная направленность, социальная составляющая экодизайна, которая обуславливает позитивную мотивацию при принятии технико-экономических решений, влияющих на окружающую среду и природу.

Человек не только изменяет естественную природную среду, но и создает искусственную предметно-пространственную среду, в которой протекают различные виды его жизнедеятельности и которая должна оградить его от вредных влияний естественной среды или по крайней мере значительно их ослабить.

Подобные изменения существенно затрагивают сферу дизайна, т. е. специфическую область деятельности, связанную с проектированием объектов «второй природы» (предметной среды), окружающей человека, наиболее приспособленной для его жизнедеятельности [8].

Экологический дизайн возник в последние 2—3 десятилетия в результате актуализации общих проблем гармонизации взаимодействия общества и природы. Особое внимание в нем уделяется прежде всего охране и восстановлению окружающей природной среды и заботе о здоровье человека. Основные положения экологического подхода в дизайне провозглашают максимальную экономию ресурсов и материалов, преимущественное использование энергетических ресурсов и материалов возобновляемого и восстанавливаемого типа, учет долговечности изделий с тем, чтобы соотношение затрат материалов и продолжительности службы изделий было оптимальным. Это направление по-новому поставило вопрос о месте и значении природного фактора в формировании предметно-пространственного окружения человека.

Отнесение экодизайна к социально-экологическим доминантам определяется: комплексным характером данной системы деятельности; значительным потенциальным влиянием на структуру потребления и природопользование в каждой стране, имеющей свою

специфику; соответствием целей принципу коэволюции и т. д. В то же время функции экодизайна на практике распространяются на все сферы жизни общества. Это в первую очередь функция освоения и преобразования мира (проявляется прежде всего в сфере создания «второй природы»); коммуникативная (реализуется при превращении созданных на основе экодизайна предметов «второй природы» в знаки, закрепляющие накопленный социальный опыт каждой страны и выражающие определенный способ поведения и т. д.); функция накопления и хранения информации; регулятивная и нормативная функции; гедонистическая функция (выражается прежде всего в освобождении больших групп населения от состояния внутреннего конфликта, связанного с проблемами сохранения природы и т. д.); функция защиты (или безопасности); утилитарная функция; воспитательная функция (выражающаяся в позитивном влиянии экодизайна на общественное сознание, в том числе в сфере оптимизации стандартов потребления) и т. д.

Социально-экологической напряженности как социально-экологической доминанте принадлежит, по нашему мнению, одно из центральных мест в понятийном аппарате социальной экологии.

Благодаря ей осуществляется связь между зачастую не воспринимаемыми человеком непосредственно изменениями свойств и характеристик биосферы и реальной социальной жизнью. Категория социально-экологической напряженности, по нашему мнению, по своей сути отражает результат сложного взаимодействия экологических, социальных и духовных факторов, является индикатором актуализации социально-экологических процессов. При этом показателем социально-экологической напряженности мы считаем наличие в общественном сознании устойчивых и распространенных оценок, чувств и настроений, связывающих антропогенную экологическую ситуацию с угрозой или фактическим ущемлением важнейших социальных и духовных потребностей конкретной общности. В свою очередь, критерием устойчивости и распространенности данных оценок служит их присутствие в общественном мнении.

Распространенность предпосылок возникновения социально-экологической напряженности на различных территориях России характеризуют, в частности, данные Фонда «Общественное мнение», согласно которым в августе 2007 года 72% населения России было обеспокоено экологической ситуацией в стране. При этом 60% опрошенных россиян отметили, что за последние годы экологическая обстановка в стране ухудшилась.

Сфера правовых институтов в настоящее время особо важна, поскольку институализация новых интересов невозможна без легитимации (в смысле М. Вебера). Согласно результатам экспертного опроса (Россия, г. Брянск, Москва, 2007 год, 78 респондентов), именно создание системы правового регулирования в сфере природопользования и природоохраны считают при-

оритетным путем улучшения экологической ситуации 65% респондентов.

«Зеленое движение» (экологические партии, движения, организации) на постсоветском пространстве пока не является серьезной социальной силой, а остается собственно движением [3, 35], т. е. аморфной совокупностью массовых коллективных действий, направленных на реализацию специфических социально-экологических интересов, для которой характерны в первую очередь слабость формальной организации, стихийность конкретных действий, слабая тенденция к институализации. Так, например, по данным упомянутого опроса, подавляющее большинство респондентов (58% экспертов) негативно оценивают деятельность экологических общественных организаций, считая ее неэффективной; противоположного мнения придерживается примерно 20%.

Институты общественного участия в принятии экологически значимых решений в настоящее время достаточно часто являются объектом социологического анализа [28], а их развитие поддерживается общественным мнением. В упомянутом опросе доля респондентов, отметивших необходимость активного участия населения в решении вопросов охраны окружающей среды наряду с органами власти и государственными службами, достигает 92%.

Роль коммуникационной сферы в институализации социально-экологических интересов различных социальных слоев и групп, по нашему мнению, определяется тремя основными аспектами: информированностью населения, активных групп, лиц, принимающих решения, и т. п. о социально-экологической ситуации; созданием среды (интернет-среды) формирования качественно новых социальных объектов, обладателей социально-экологических интересов — сетевых структур [37]; эффективностью и доступностью массовой коммуникации, т. е. передачи информации посредством использования технических средств и различного рода профессиональных приемов для воздействия на аудиторию. Мнения российских экспертов по вопросу об уровне информированности населения об окружающей среде и факторах, влияющих на ее состояние, разделились следующим образом. Уровень информированности об окружающей среде и факторах, влияющих на ее состояние, в целом по России 35% экспертов оценивают как «достаточный» и «относительно достаточный», тогда как 54% опрошенных считают, что он оставляет желать лучшего, причем 14% из них выбрали вариант «информации крайне недостаточно». Уровень информированности об окружающей среде и факторах, влияющих на ее состояние, в своем регионе проживания 39% российских экспертов оценили как «достаточный» и «относительно достаточный», 54% считают, что он оставляет желать лучшего, а 14% выбрали вариант «информации крайне недостаточно». Большинство российских экспертов среди наиболее значимых для них каналов информации о природопользовании и охране окружающей среды от-

метили телевидение (64%) и газеты (47%). Далее в списке наиболее важных каналов информации следуют радио (36%), сеть Интернет (31%) и информационные агентства (26%). Замыкают список выставки (20% экспертов) и наглядная агитация (17% опрошенных).

Практика деятельности органов власти пока свидетельствует о явной незавершенности институализации социально-экологических интересов различных социальных слоев и групп. Так, например, более половины (65%) участников упомянутого исследования 2007 года (гг. Брянск, Москва) полагают, что при принятии решений об охране окружающей среды органы местной власти вообще не учитывают интересы жителей, тогда как 25% экспертов считают, что интересы населения учитываются лишь частично.

До последнего времени вопросы о причинах наблюдаемых глобальных изменений климата, прогнозе их развития и последствий для отдельных стран были в определенной степени спорными. Сейчас в научном сообществе явно преобладает мнение о преимущественно антропогенных причинах данных изменений, что обуславливает их социально-экологическую природу. При этом масштаб прогнозируемых изменений и их влияние на экономику, инфраструктуру и т. д. настолько значительны, что их можно причислить к социально-экологическим доминантам интеграционно-адаптационных процессов. На территории Российской Федерации данные изменения способны повлечь за собой значимые и неоднозначные последствия для качества жизни населения [23]. В частности, в ряде важнейших сельскохозяйственных регионов страны могут возникнуть предпосылки для катастрофического локального опустынивания (аридизации) (Краснодарский край, Ростовская область); значительных потерь урожая в результате активизации насекомых — вредителей сельскохозяйственных культур (Ставропольский край, Республика Калмыкия, Волгоградская, Астраханская, Саратовская, Ростовская области, ряд регионов Сибири). Кроме того, возможен рост вероятности экстремальных гидрометеорологических явлений, в том числе наводнений, селей и лавин в горных районах, засух, усиление пожароопасности в лесах и т. д.

Состояние здоровья населения в настоящее время в значительной степени формируется антропогенными экологическими факторами, вследствие чего является феноменом социально-экологического характера. При этом проявившиеся тренды вызывают серьезное беспокойство. Так, для России драматизм сложившейся в масштабах страны ситуации отражают, в частности, следующие показатели: по данным ЦСИ МЧС России, вклад экологических факторов в риск преждевременной смерти составляет сейчас примерно 20%, при этом, по данным член-корреспондента РАН А.В. Яблокова, в настоящее время в России по причинам, связанным с экологией, преждевременно ежегодно умирает примерно 350 тыс. чел.

В целом состояние окружающей среды на наиболее густонаселенных территориях страны, например в мегаполисах, во многих отношениях явно опасно для

человека как биологического существа. Так, например, в Москве в 2002 году канцерогенный риск от воздействия формальдегида оказался на приемлемом уровне только в четырех округах из десяти [21].

Антропогенные экологические катастрофы и их последствия, в том числе социальные, в современных условиях оказывают сильнейшее комплексное воздействие на развитие общества.

Особая роль в формировании качественных сдвигов в общественном сознании на постсоветском пространстве несомненно принадлежит Чернобыльской катастрофе, ставшей источником принципиально новых антропогенных экологических факторов, характеризующихся глобальностью и длительностью действия; непрогнозируемостью последствий и т. д.

По сути признанием исключительности чернобыльской трагедии явилось и объявление странами СНГ 2006 года годом памяти жертв аварии на Чернобыльской АЭС, и объявление Генеральной ассамблеей ООН 26 апреля международным Днем памяти жертв радиационных аварий и катастроф.

По масштабам проявления социально-экологические последствия Чернобыля резко различаются. К числу последствий, сфера действия которых выходит далеко за границы пострадавших районов Украины, Беларуси и России, в первую очередь относится весьма сдержанное отношение населения отдельных стран и регионов к развитию ядерных технологий в целом. Регулярно проводимые ВЦИОМ всероссийские опросы показывают, что доля респондентов, высказывающихся за использование атомной энергии, обычно находится на уровне 20%. В таких условиях задача увеличения доли атомной генерации в общероссийском энергетическом балансе с 16 до 25—30% к 2030 году потребует более чем серьезного отношения органов власти и инвесторов к проблеме общественного участия в принятии экологически значимых решений.

Второе важнейшее комплексное социально-экологическое следствие Чернобыльской катастрофы заключается в том, что после нее имеется реальная точка отсчета, дающая как общественному мнению, так и специалистам определенную априорную ориентацию в оценке потенциальных последствий аварий на ядерных объектах и т. п. Так, например, не случайно, что авария на АЭС «Форсмарк» (Швеция), происшедшая 25 июля 2006 года вследствие нештатной работы систем обеспечения безопасности при аварийном выключении реактора, вызвала в западноевропейских странах гораздо больший резонанс, чем заметно более серьезная (с материальным ущербом в 100 млн долл.) авария на АЭС «Три Майл Айленд» (США) в 1979 году, хотя бы уже потому, что авария в США произошла до Чернобыля, а в Швеции — после.

Социо-техногенные нагрузки (накопление отходов, загрязнение воздуха, воды, почвы и др.) посто-

янно оказывают влияние на жизнедеятельность социумов. Во многих случаях (отдельные антропогенные экологические факторы, отрасли экономики, предприятия и т. д.) данные нагрузки являются объектом анализа и контроля со стороны различных экологических экспертиз, регламентируются определенными нормативами, служат предметом обсуждений в институтах общественного участия в принятии экологически значимых решений и т. д.

По мере роста качества жизни на постсоветском пространстве могут начать пробуждаться «спящие» проблемы, например качество питьевой воды. Интересно отметить, что сам по себе факт загрязнения питьевой воды воспринимается населением по-разному, в зависимости от источника загрязнения: так, если факты аварий канализационных сетей и аварийные сбросы промышленных или сельскохозяйственных предприятий воспринимаются достаточно болезненно и эмоционально, то масштабное, но «привычное» и «неспешное» негативное воздействие на источники водоснабжения сельского хозяйства в целом принимается более спокойно. Во всяком случае, обеспокоенность населения не соответствует объективной остроте данной проблемы: например, в Подмосковье в окрестностях Иваньковского водохранилища — основного источника питьевой воды для Москвы — содержание фосфора в колодцах некоторых населенных пунктов превышает фоновые значения в 100 и более раз [27]. Однако для России и Молдавии, например, данные экспертных опросов, проведенных в 2006—2008 годах, свидетельствуют о высокой актуальности проблемы качества воды для населения указанных стран постсоветского пространства (Опросы выполнены при поддержке РФФИ в рамках проектов 06-06-90901 и 08-06-90902 Мол_а.) Так, актуальность данной проблемы для России отметили 60—70% экспертов, для Молдовы — 75—80% (при этом актуальность проблемы состояния водных ресурсов в целом оценивается аналогично: 60—65 и 70—75% соответственно).

Детальное изучение социально-экологических доминант интеграционно-адаптационных процессов на постсоветском пространстве уже принесло важные научно-практические результаты в сфере комплексных концептуализированных оценок взаимосвязи и взаимовлияния экологических, экономических и социотальных аспектов жизни постсоветского пространства, учитывающих как внутренние, так и внешние (прежде всего вызванные глобализационными процессами) факторы развития социально-экологической ситуации. Необходимо оценить влияние доминант на различные сферы жизни стратифицированных сообществ, степень социально-экологической напряженности; общего и особенного в процессах трансформации постсоветского пространства в условиях глобализации и т. д.

Литература

1. Алексеев С. М. и др. Экология, экономика, социум: состояние, тенденции, перспективы. М.: НИИ-Природа, 2002.
2. Арский Ю. М., Данилов-Данильян В. И. и др. Какой счет? // Общественные науки и современность, 1998. № 3.
3. Блаумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц / Сост. Кравченко Е. И. М.: МГУ, 1994.
4. Глазачев С. Н. Экологическая культура и образование: ответ на вызов глобальных проблем // Истоки единства: проблемы воссоздания социально-экологического пространства России и Беларуси. М., 2002.
5. Глазачев С. Н., Козлова О. Н. Стратегия формирования экологической культуры как условия безопасности страны // Экологическая культура и образование: опыт России и Беларуси. М., 2000.
6. Гуссейнов А. А. и др. Этика. М., 2001.
7. Егоров В. К. Культура в трансформируемом обществе // Социология власти, 2005. № 1.
8. Задесенец Е. Е. и др. Экологический дизайн как эффективная технология решения социально-экологических проблем // Менеджер-эколог, 2007. № 11—12.
9. Заракховский Г. М., Кулайкин В. И. Объективные и субъективные психологические составляющие качества жизни населения России // Человеческий фактор, 2007. № 3.
10. Кавтарадзе Д. Н. Как приучить человека рационально использовать природные ресурсы? // Барьер безопасности, 2002. № 11.
11. Ковалев В. И. Цивилизационные ценности России // ПОИСК, 2004. № 3 (9).
12. Костюнина О. А. Формирование ценностей в современном обществе // ПОИСК, 2004. № 3 (9).
13. Кутырев В. А. Экологический кризис: постмодернизм и культура // Вопросы философии, 1996. № 11.
14. Мазур И. И., Козлова О. Н., Глазачев С. Н. Путь к экологической культуре. М., 2001.
15. Маркович Д. Ж. Социальная экология. М., 1996.
16. Миронов А. В. Кризис духовных ценностей на социальном пространстве современной России // Социально-гуманитарные знания, 2007. № 2.
17. Миронов А. В. Понятие ценности, виды и иерархия ценностей // Социально-гуманитарные знания, 2007. № 1.
18. Моисеев Н. Н. Козволюция природы и общества // Экология и жизнь, 1997. Январь—август.
19. Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М., 1995.
20. Назаретян А. П., Лисица И. А. Критический гуманизм Versus биоцентризм // Общественные науки и современность, 1997. № 5.
21. О состоянии окружающей природной среды города Москвы в 2002 году: Государственный доклад. М., 2003. 47.
22. Ожегов Ю. П., Никонорова Е. В. Экологический импульс: проблемы формирования экологической культуры. М.: 1991.
23. Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. М.: Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, 2008.
24. Пегов С. А. Экологические аспекты геополитики // Общественные науки и современность, 1996. № 1.
25. Покровский Н. Е. Транзит российских ценностей // Глобализация и постсоветское общество. М., 2001. 46—47.
26. Попова Е. П. Рациональный выбор как способ решения проблем // Личность. Культура. Общество, 2000. Т. II, вып. 1 (2).
27. Природно-ресурсные ведомости. 2007. Январь. № 1 (309).
28. Сосунова И. А. и др. Методология и методика общественного участия в подготовке и принятии экологически значимых решений. М., 2004.
29. Сосунова И. А. и др. Социальная сфера жизнедеятельности государства и стратегические риски // Безопасность Евразии, 2003. № 1.
30. Сосунова И. А. Социальная экология. М., 1996.
31. Сосунова И. А. Социально-экологическая напряженность: методология и методика оценки // Социологические исследования, 2005. № 7 (255).
32. Сосунова И. А. Социально-экологические проблемы России: постчернобыльская ситуация // Социальная политика и социология, 2008. № 1 (37).
33. Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек. М., 2001.
34. Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998; 1992.
35. Штолпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
36. Яковец Ю. В. История цивилизации. М., 1995.
37. Яницкий О. Н. Россия: экологический вызов (общественное движение, наука, политика). Новосибирск, 2002.
38. Яо Л. М. Экологическое сознание современного российского общества: теоретико-методологические подходы. М., 2004.
39. Allsop J., Mulcaby L. Deconstructing and Reconstructing Professional Identity: Paper represented in Professions, Identity and Order in Comparative Perspective. Onati Papers, 1998.
40. Bell D. The coming of Post-Industrial Society. N. Y., 1976.
41. Drucker P. F. Post-Capitalist Society. N. Y., 1993.
42. Dunlap R. E., Rosa E. A. Environmental Sociology // Encyclopedia of Sociology. N. Y., 2000.
43. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Stanford, 1991.
44. Kumar K. From Post-Industrial to Post-Modern Society // New Theories of Contemporary World. Oxford, 1995.
45. Lindblom C. H. The science of mudding through // Public Administration Review, 1959. Vol. 19.
46. Manolake K. M., Sosunova I. A. Social-ecological conflicts as a factor of risk in Post-Soviet area (on example of Russia and Moldova) // The 8th Conference of the European Sociological Association. Conflict, Citizenship and Civil Society, Glasgow, 3rd — 6th September 2007. Abstract Book. Glasgow, 2007. 523.
47. Simon H. A. Reason in Human Affairs. Stanford University Press, 1983.
48. Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1981.